

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

По следственному делу № 42 по обвинению граждан:

1. ВИНОГРАДОВА Василия,
2. ПОЛЯНСКОГО Михаила,
3. ПОКРОВСКОГО Александра,
4. ОРЛОВА Василия ,
5. ЧЕРНЫШОВА Ивана ,
- 6-7. РОЖДЕСТВЕНСКИХ Николая и Владимира ,
8. АРАЛИНА Герасима ,
9. БУБНОВА Николая и других

по пунктам 10 и 11 статьи <58?> УК <РСФСР?>.

В городе Мосальске Сухиничского Округа на протяжении ряда лет под руководством епископа “СТЕФАНА”, протоиерея ПОЛЯНСКОГО, бывшего царского прокурора ОРЛОВА, благочинного ПОКРОВСКОГО и бывшего председателя Союза Русского Народа ЧЕРНЫШОВА существовала контрреволюционная организация из махрового черносотенного элемента в лице: бывшего белого офицера-дроздовца, ныне священника АРАЛИНА, бывшего городского судьи ЛЬВОВА , бывшего городского головы КОРОСТЕЛЁВА , бывших офицеров БУБНОВА, ТОЛЧЁНОВА , ПЕТРОВА , РОЖДЕСТВЕНСКОГО В<ладимира>, протоиерея ВИНОГРАДОВА , бывших крупных торговцев БОГДАНОВЫХ Семёна и Александра , священника РОЖДЕСТВЕНСКОГО Николая, бывших помещиков ПРИЯТЕЛЕВА , БУЛЫЧЁВА, ИПАТОВА , секретаря Городской Управы ИЛЬИНА , чиновника казначейства ВОРОНКОВА , монашки ЯНШИНОЙ и частной торговли СМИРНОВОЙ . Вся деятельность данной организации шла по линии непосредственной борьбы с проводимыми хозяйственно-политическими мероприятиями правительства и подготовки восстания против советской власти (листы дела 341, 342).

На основе чего участники контрреволюционной организации были арестованы и заключены под стражу.

Произведённым по сему делу предварительным следствием установлено, <что> ещё в 1922-м году, при изъятии церковных ценностей, организация развернула свою деятельность по подготовке восстания, были выпущены и размножены воззвания с призывом к населению восстать, как один, на защиту поруганной

церкви и – какой бы только крови <это> ни стоило – ценностей не сдавать. Вся работа по подготовке бунта проводилась под руководством бывшего в тот период <на Мосальской кафедре?> епископа Фёдора и активном участии протоиерея ПОЛЯНСКОГО, священника ПОКРОВСКОГО, ОРЛОВА, ЧЕРНЫШОВА, КОРОСТЕЛЁВА, ВОРОНКОВА, СМИРНОВОЙ, БУЛЫЧЁВА, ИПАТОВА и БОГДАНОВА . Одновременно с выпуском воззвания члены организации были направлены по церквям Мосальского уезда с директивами принять срочные меры противодействия изъятию церковных ценностей. Причём епископ Фёдор выбыл в Спас-Деменский уезд, передавая руководство действий в Мосальске ПОЛЯНСКОМУ и ЧЕРНЫШОВУ, КОПОРСКОМУ , ОРЛОВУ с наказом: “Если потребуется, пролейте кровь, но ценностей не сдавайте!” КОПОРСКИЙ (в начале 1930 года заключён в концлагерь постановлением Особого Совещания Коллегии ОГПУ), работая председателем церковного совета при Мосальском соборе и одновременно служа в Уездном Исполкоме, вечером, закрывшись в одной из комнат Уездного Исполкома, на пишущей машинке размножил воззвание, в чём ему помогали ВОРОНКОВ и КОРОСТЕЛЁВ. Редактировали же эти воззвания бывший царский прокурор ОРЛОВ и бывший Председатель Окружного Суда СОКОЛОВ (постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ заключён в концлагерь). Перед этим в доме ЧЕРНЫШОВА были проведены совещания головки контрреволюционной организации в лице ПОЛЯНСКОГО, ОРЛОВА, ЧЕРНЫШОВА и БУЛЫЧЁВА. Эти же совещания проводились и в церковной сторожке при Мосальском соборе. На них было решено выпустить воззвание и с агитацией обойти дома верующих. В момент изъятия церковных ценностей ПОЛЯНСКИМ и ЧЕРНЫШОВЫМ был отдан приказ бить в набат, что служило <сигналом к началу?> началом восстания. Спровоцированные толпы верующих окружили собор с криками: “Долой грабителей, бей коммунистов!” Военный гарнизон был вынужден выставить пулемёты и силой рассеять толпу . Такую же работу противодействия организация вела и в районах, в селе Васильевском в нескольких верстах от города Мосальска для изъятия церковных ценностей пять раз направлялся отряд, постоянно получая вооружённое сопротивление. За организацию бунта были привлечены к ответственности епископ Фёдор и священник МАРКЕВИЧ , остальные участники этого мятежа остались в стороне , продолжая безнаказанно вести свою контрреволюционную деятельность (листы дела 309, 310, 312, 313, 335, 339, 343, 344, 348, 368, 385, 387, 388).

В 1925-м году в июле месяце в Мосальском соборе проходил съезд церковников бывших Мосальского и Спас-Деменского уездов. На этом съезде присутствовали все члены организации, в силу чего деятельность съезда была

контрреволюционного направления. Благодаря влиянию организации, на съезде было решено вокруг церкви из среды верующих создать крепкое ядро и повседневно вести борьбу с гонениями советской власти на церковь и религию, для этой же цели – сплочения рядов верующих и антисоветской деятельности – к каждой общине верующих прикрепить членов организации (лист дела 344). В сентябре месяце 1927 года за городом Мосальском в ельнике под видом пикника было проведено нелегальное собрание организации, на котором присутствовали все <её> члены, за исключением духовенства. ОРЛОВ, открывая собрание, говорил: “Советская власть творит беззаконие и произвол, наша задача – бороться с неправильной политикой советской власти и коммунистической партии, но мы мало работаем, несмотря на то, что все считаемся патриотами нашей Родины, советская власть не прочна, её падения надо ожидать со дня на день – и нам необходимо усилить свою деятельность”, - в заключение пели «Боже, царя храни» (листы дела 338, 344, 367, 362, 677). Епископ “Стефан” – ВИНОГРАДОВ Василий, неоднократно подвергавшийся аресту за контрреволюционную деятельность, прибыл в город Мосальск в феврале 1929-го года. В честь прибытия “Стефана” в доме ЧЕРНЫШОВА был устроен парадный обед, на котором присутствовали: “Стефан”, священники СМИРНОВ, МАРКЕВИЧ, ВИНОГРАДОВ Ионикий, благочинный ПОКРОВСКИЙ, протоиерей НИКОЛЬСКИЙ, ЧЕРНЫШОВ, псаломщик ТИТОВ и другие члены соборного совета. ЧЕРНЫШОВ во время обеда делал информацию о работе церковного совета и указал, <что?> основное ядро этого совета здесь, за столом. По докладу ЧЕРНЫШОВА высказался епископ “Стефан”: “В состав церковного совета надо подобрать людей стойких и близких нам, необходимо также втянуть и из простонародья, для нас легче будет проводить свою работу – и местные власти будут больше считаться с нами и делать уступки”. Присутствующие, выливая свои обиды на теперешние порядки, спросили: “Скажите, Владыко, доколе мы ещё будем терпеть издевательства этой власти?” “Стефан”, утешая, ответил: “Потерпите, братия, это скоро кончится, советская власть недолговечна и не позднее 1930-1931 гг. падёт”. Присутствующие с облегчением заявили: “Владыко, Ваши <бы> слова – да Богу в уши!” (листы дела 337, 360, 361, 362, 382).

Епископ “Стефан”, прибыв в Мосальск, сгруппировал вокруг себя весь черносотенный элемент и стал во главе организации. Ближайшими его помощниками для проведения контрреволюционной деятельности были: ПОЛЯНСКИЙ, ОРЛОВ, ПОКРОВСКИЙ и ЧЕРНЫШОВ, правой же рукой “Стефана” являлся ПОЛЯНСКИЙ. Прибывающие с мест священники прежде, чем быть у “Стефана”, являлись к ПОЛЯНСКОМУ. Сам “Стефан”, проживая на квартире КОПОРСКОГО, тестя ОРЛОВА, находился на иждивении

ЧЕРНЫШОВА. На квартиру к “Стефану” приходили члены организации: ПОКРОВСКИЙ, ОРЛОВ, штабс-капитан ПЕТРОВ, ТОЛЧЁНОВ и другие. В 1929-м году “Стефан” при объезде Сухиничского Округа всюду свободно говорил антисоветские проповеди, внушая верующим ненависть к существующим порядкам. В марте 1929-го года в селе Васильевском призывал крепко держать веру Христову, в этом же духе воспитывать своих детей и отвлекать от большевистской программы, ведущей к безбожию. В июне того же года в городе Спас-Деменске после службы в соборе в проповеди к верующим говорил: “О необходимости объединения вокруг церкви, не поддаваться влиянию этой власти Антихриста и всем врагам церкви давать дружный отпор”. До этого “Стефан” был в селе Милятино, там же за антисоветскую деятельность подвергался аресту и несколько дней сидел в ДЗ <в “домзаке”, т.е. в “доме заключения” сиречь в тюрьме?>. Наряду с этим, на каждом шагу распространяя антисоветские идеи, внушая всем, что эта власть недолговечна, и её существование непрочное, своим возчикам говорил: “Потерпите немножко, скоро Ваши мучения кончатся: сейчас мы переживаем смутное время, все государства объединяются против Советов – и большевикам конец”. В декабре 1929-го года, касаясь пятилетки и перегибов, и головоутиательства со стороны низовых органов власти, заявлял: “Такая деятельность низового аппарата - на пользу, так как ускорит гибель существующего строя”. В феврале 1930-го года, прибыв в село Соколово Московского округа, по месту своей родины, внушал населению не слушать коммунистов, бороться за религию, запрещал родителям отдавать детей в пионеры, ходил по деревням и распространял провокационные слухи о войне и падении советской власти, призывал не допускать к закрытию церквей и вёл работу по срыву колхозного строительства, за что и был арестован. Даже находясь в заключении при Сухиничском Округном Отделе ОГПУ, продолжал вести свою антисоветскую деятельность путём агитации (листы дела 334, 335, 349, 357, 379, 383, 384, 370, 381, 396, 522, 400, 402, 523, 673).

ОРЛОВ Василий Васильевич, судейский шельма царских времён, бывший товарищ <сиречь заместитель> прокурора, сын попа, всегда смотрел на советский строй как на мыльный пузырь, поддерживал неразрывную связь с церковниками, в 1922-м году редактировал и размножал листовки против изъятия церковных ценностей. В момент получения экстренного извещения о смерти Ленина в городе Мосальске ОРЛОВ, будучи дежурным при Мосальском суде, написал объявление: “Вследствие торжества по случаю смерти “ЛЕНИНА” суд закрыт”, - и вывесил на дверях суда. С приездом епископа “Стефана” был в непосредственном с ним общении и посещал “Стефана” нелегально (листы дела 338, 672, 674, 675).

ПОЛЯНСКИЙ Михаил, настоятель Мосальского собора, черносотенец, монархист, в прошлом видный деятель Союза Михаила Архангела, за активную деятельность в котором был выдвинут на пост наблюдателя школ. В 1920-м году за причастность к взрыву в Леонтьевском переулке заключён в концлагерь сроком на 2 года. Идеолог черносотенного духовенства и реакционной части населения. В этих кругах пользуется популярностью и авторитетом. В 1920-м году, при заключении ПОЛЯНСКОГО в концлагерь, член организации КОРОСТЕЛЁВ неоднократно говорил: “Жаль протоиерея ПОЛЯНСКОГО – это страдалец за веру и царя”. ПОЛЯНСКИЙ имел брата, выдающегося миссионера, проживающего в Москве (ныне арестован), получал от последнего антисоветские проповеди и распространял среди духовенства. ПОЛЯНСКИЙ тонко умел выразить и поддержать скрытые надежды всех близких о скорой гибели этой власти, постоянно вёл антисоветскую агитацию, идеологически обрабатывал верующих против советской власти: “Советская власть есть власть Антихриста и послана нам как тяжкое испытание, но недолго Сатана будет издеваться и править нами, этой власти наступает конец, а мы как христиане должны ускорить её гибель”. Осенью 1929-го года ПОЛЯНСКИЙ и “Стефан” вели бешеную агитацию против хлебозаготовок: “Большевики грабят народ, ободрали крестьян, берут последний хлеб и думают его ссыпать в церквях – нужно церковью не <от>давать, эта власть послана за наши грехи, нам особенно нужно молиться и просить Бога о ниспослании милости, скорейшего изгнания большевиков, в 1930-м году их прогонят иностранцы, но нам нужно вредить этой власти и этим приблизить её конец”. В 1930-м году, на родительскую субботу ПОЛЯНСКИЙ говорил проповедь, направленную против колхозного строительства, и на религиозной почве разжигал ненависть тёмных масс, что большевики – шайка самочинщиков и насильников, издеваются и обманывают народ. Призывал в колхозы не идти, а вступившим – выписаться <т.е. выйти из коллективных хозяйств>, так как колхозы организуются для того, чтобы ограбить вас и сделать нищими – и своей антисоветской деятельностью колхозы Ивонино и Ляды разложил. Он же говорил: “Беседа митрополита Сергия с иностранными корреспондентами, объявленная в «Известиях» - выдумка большевиков. Я знаю Сергия лично, и всё написанное <о нём> – ложь, поэтому верующие должны понять, что большевики над Сергием издеваются, <а> за границей <же> пишут верно: в России религия преследуется, служителей религиозного культа бросают в тюрьмы лишь за то, что они не снимают сана и не отказываются от своей работы” (листы дела 336, 339, 356, 365, 366, 688, 675). ПОКРОВСКИЙ Александр, священник села Ивонино, с прибытием “Стефана” стал пользоваться особым доверием и покровительством последнего и был выдвинут на пост благочинного по Мосальскому району. Являясь регентом хора

при Мосальском соборе, ежедневно бывал в городе Мосальске как у ПОЛЯНСКОГО, так и у “Стефана”. Получив назначение благочинного, по договорённости со “Стефаном” пытался среди духовенства своего района создать нелегальные тройки для проведения антисоветской работы. В проповедях и беседах вёл агитацию, в начале 1929-го года в Ивонинской церкви с амвона говорил: “Советская власть глумится над религией, не останавливается ни перед какими средствами её убить”. Летом того же года: “Коммунисты не могут править, они – неучи, кругом одни недостатки, и большевики у власти долго не продержатся”. При селе Ивонино из близких лиц создал группу, которая под его руководством вела работу по срыву проводимых <советской властью> мероприятий (листы дела 340, 671, 781, 782).

ИПАТОВ Семён – бывший крупный купец <торговец?> скобяными и москательными товарами, в данное время - владелец дома и арендатор садов. СМИРНОВА Мария как в прошлом, так и сейчас – торговка бакалеи, бывшая владелица трёх домов, бессменный член церковного совета, являлась непосредственным проводником влияния ПОЛЯНСКОГО среди женщин и обывателей города Мосальска.

ИПАТОВ – бывший крупный помещик, подрядчик, владелец имения в размере 500 десятин и частный торговец.

БУЛЫЧЁВ – также в прошлом помещик, владелец имения в 500 десятин.

ПРИЯТЕЛЕВ – бывший помещик, владелец 500 десятин земли и водяной мельницы.

КОРОСТЕЛЁВ – бывший городской голова. Все эти лица в конце 1929-го года и в начале 1930-го года среди крестьян, приезжавших на базар в город Мосальск и к ним, вели антисоветскую агитацию, призывая их в колхозы не идти. Член организации ВОРОНКОВ в феврале 1930-го года в своём выступлении говорил: “Понятно, что митрополиты так лояльно дали своё интервью: если бы они сказали правду – их бы повесили. Кругом ничего нет, а они строят колхозы. Колхозы рассыплются: они не выгодны крестьянам – и их не время строить”.

БОГДАНОВ Семён, даже находясь в заключении, вёл антисоветскую работу, доказывая <м.б. предсказывая?> заключённым скорую гибель антисоветской власти (листы дела 311, 350, 334, 339, 340, 359, 501).

ЧЕРНЫШОВ Иван – бывший купец первой гильдии, владелец нескольких магазинов, председатель Союза Русского народа, бессменный староста Мосальского кафедрального собора, монархист и ярый черносотенец, с 1923-го года в компании с ПЕТРОВЫМ Саввой занимался торговлей и – наряду с этим – скупкой и перепродажей золота, при этом в отдельных случаях скупка золота доходила до 1000 рублей номиналом. Эти деньги ЧЕРНЫШОВ с ПЕТРОВЫМ отправляли в Москву, даже в 1929-м году ЧЕРНЫШОВ неоднократно ездил в

Москву с валютой и ценностями. При этом ЧЕРНЫШОВ с ПЕТРОВЫМ говорили: “Нужно золото придержать, а то червонцы ненадёжны, останешься без денег, советская власть недолговечна – и нужно готовить валюту с тем, чтобы на случай переворота иметь деньги”. При этих разговорах присутствовал БУБНОВ. С ЧЕРНЫШОВЫМ все члены организации поддерживали неразрывную связь, и в его доме проводились нелегальные собрания. Так, эти собрания имели место в декабре, в январе, в марте 1928-го года и в конце 1929-го года, где обсуждались вопросы вредительского характера, направленные против советской власти (листы дела 311, 313, 325, 333, 308, 314, 347, 348, 349, 384, 386).

Особую враждебность члены организации стали проявлять в августе 1929-го года, будучи уверенными, что иностранные государства объявят войну – и гибель советской власти неизбежна. Накануне 1-го августа провели собрание в доме КОРОСТЕЛЁВА. 1-го августа, присутствуя на митинге, злорадствовали, открыто выражая свою уверенность в ближайшей расправе над большевиками (лист дела 345).

В августе того же 1929-го года в лесу на хуторе Прокина, в нескольких верстах от города Мосальска, данной организацией было проведено нелегальное собрание с участием 35-ти человек. Из дома Прокина расходились под вечер группами и одиночками в разных направлениях (листы дела 506-518).

Церковная сторожка при Мосальском соборе была местом сбора и встреч членов организации, а также и местом распространения антисоветских идей. ЧЕРНЫШОВ, БОГДАНОВ, КОРОСТЕЛЁВ, ИПАТОВ, ПРИЯТЕЛЕВ, БУЛЫЧЁВ, собираясь в сторожку, систематически вели агитацию, говоря, что при советской власти жить нельзя, кругом насилие. В период хлебозаготовок в октябре 1929-го года: “Эта власть беспощадно грабит, а народ терпит, давно надо было поднять протест против такого насилия. Скоро отберут и собор под ссыпку хлеба. После такого грабежа – неминуемая голодовка, крестьяне с боем будут отдавать хлеб, выведут их из терпения – и мужики восстанут”. В ноябре 1929-го года: “Советской власти наступает конец, война, красных бьют, Ленинград полон раненых, в центре раскол, большевики чувствуют свою гибель”. Перед закрытием Мосальского собора: “Собор нам необходимо отстоять во что бы то ни стало. Советская власть долго не продержится, падёт, нам необходимо повести агитацию среди верующих, горожан и крестьян, последнее <крестьянство?> хлебозаготовками обозлено – и их только надо разжечь” (листы дела 345, 347, 348, 346, 312, 314, 326, 363, 364, 368).

При поджоге в городе Мосальске сарая с государственным сеном по осени 1929-го года на почве классовой мести члены организации умышленно срывали ликвидацию пожара (лист дела 338).

По осени 1929-го года, в период хлебозаготовок, когда был поставлен вопрос об использовании Мосальского собора временно под ссыпку хлеба, организация решила собор не открывать и спровоцировать на этом верующих по опыту 1922-го года на бунт против советской власти. Перед закрытием собора было проведено нелегальное собрание, где обсуждались меры противодействия. По домам верующих города и окружающих деревень были направлены агитаторы с призывом защиты божьего храма. В последнюю службу в соборе епископ “Стефан” предложил священнику МАРКЕВИЧУ выступить с речью <с призывом?> собор отстоять. Как “Стефан”, так и ПОЛЯНСКИЙ в своих выступлениях по вопросу изъятия собора говорили, что советская власть надругается над религией и издевается над чувствами верующих, и призывали к бунту (листы дела 312, 313, 351, 352, 355, 383).

Епископ “Стефан”, прибыв в Мосальск, поставил себе задачей активизировать деятельность церковников, направив её на борьбу с советской властью.

Пользуясь авторитетом и популярностью, приезжающее к нему с докладами духовенство сознательно толкал на путь контрреволюции: “Советская власть есть власть насилия над религией, она вот-вот должна пасть. У меня есть точные сведения, что через год, самое большее – через полтора, большевиков прогонят иностранцы, поэтому на долю духовенства падает задача вредительства на каждом шагу. Советская власть стремится взять церкви под клубы, чтобы воспитывать молодёжь в большевистском духе – и под ссыпку хлеба. Мы, духовенство, ни в коем случае не должны допустить до этого. Во-первых, нам невыгодно, когда большевики калечат молодёжь. Во-вторых, не давать церквей под ссыпку хлеба: отобранный у народа последний хлеб за отсутствием хранилищ погниёт. Это приведёт к тому, что народ взбунтуется, так как если хлеб погниёт – будет голод. А, во-вторых <или всё-таки уже в-третьих?>, и народ убедится, что их ограбили, их же хлеб большевики погноили, Итак, проводите твёрдую линию, не отдавайте большевикам церквей, принимайте все меры отстоять их, не останавливаясь ни перед чем, даже до организации бунта. Помните, что большевики, взяв церкви хотя бы временно, сумеют их разрушить, а это нас поставит в тяжёлое положение, так как при падении советской власти не хватит ресурсов привести церкви в надлежащий порядок”. Брошенный епископом “Стефаном” лозунг: “Работать с учётом того, что советская власть скоро падёт – и ей <надо?> вредить на каждом шагу!” - имел свои последствия в работе церковников. Такие директивы “Стефаном” давались неоднократно на протяжении всей второй половины 1929-го года. В ноябре - благочинному ПОКРОВСКОМУ, священнику ТКАЧЕНКО (заключён в концлагерь), ВИНОГРАДОВУ Ионикию, УСПЕНСКОМУ и другим (листы дела 354, 355, 377, 378, 379).

По вопросу организации колхоза ПОЛЯНСКИЙ прибывающему к нему духовенству говорил: “Колхозы вредят религии, нам надо защищать свою шкуру и вести работу против колхозного строительства. Помните, что всякий развалившийся колхоз подрывает мощь большевиков” (лист дела 356). Все вопросы вредительского характера обсуждались на квартире <или квартирах?> епископа “Стефана”, ЧЕРНЫШОВА и ПОЛЯНСКОГО, в присутствии этих лиц и ОРЛОВА и ПОКРОВСКОГО. Все директивы, касающиеся контрреволюционной деятельности, распространялись по духовенству Сухиничского Округа секретными записками, нарочными через ПОЛЯНСКОГО и ПОКРОВСКОГО, а в городе – через ЧЕРНЫШОВА (листы дела 340, 357).

Священник села Ивано-Дуброво АРАЛИН, бывший белый офицер-дроздовец, в период гражданской войны с оружием в руках принимавший активное участие в борьбе с красными, административно-ссылный с Украины, летом 1929-го года прибыл в город Мосальск по месту ссылки, где нашёл покровительство у епископа “Стефана” – и последним был направлен священником в село Ивано-Дуброво. В последующем АРАЛИН имел непосредственную связь с ПОЛЯНСКИМ и “Стефаном”, стал активно проявлять свою контрреволюционную деятельность по месту жительства. В начале 1930-го года, при ликвидации кулачества, АРАЛИН, используя религиозные предрассудки масс, встал на защиту кулаков своего района, оказывая упорное противодействие низовым работникам в раскулачивании, призывая кулачество оказать организованное сопротивление советской власти. Приезжающее к нему крестьянство АРАЛИН обрабатывал против колхозного строительства, внушал им из колхоза выписаться и в колхозы не идти. В феврале <и?> марте 1930-го года в селе Ивано-Дуброво провёл три нелегальных собрания женщин, направленных против организации колхоза. Извращая газетные сведения, постоянно населению говорил, что всех вступивших в колхоз будут клеймить. На родительскую субботу в 1930-м году в церкви выступил с проповедью, направленной против колхозного строительства: “В колхозы не идите, в колхозе умрёте с голоду, там отберут ваших детей, а вас самих будут клеймить – выписывайтесь из колхоза!” Благодаря контрреволюционной деятельности АРАЛИНА в районе создалась паника: граждане, вступившие в колхоз, организованно, целой толпой окружили школу с требованием выписать <их?> из колхоза, так как они не желают, чтобы их клеймили, как им об этом говорит батюшка АРАЛИН – и направили делегацию в РИК <районный исполнительный комитет> (листы дела 763, 767, 374, 375, 376, 372, 373). Свою активность организация стала проявлять с периода 1929-го года, с прибытием в Мосальск епископа “Стефана”, разграничив работу по двум

направлениям: среди духовенства и бывших людей – работа по периферии, по объединению сил кулачества. ОРЛОВ объединил вокруг себя бывших офицеров БУБНОВА, ПЕТРОВА, ТОЛЧЕНОВА, мельников ОСИПОВА, ШЕПЕЛЕВА, ПИТЕРСКОГО и ДУБРОВСКОГО, сюда же входил и священник села Шалова РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Николай, последний – отъявленный монархист, в прошлом имел связь с помещиком, земским начальником СТЕПАНОВЫМ, эмигрировавшим в годы революции за границу. В 1918-м году РОЖДЕСТВЕНСКИЙ <Николай> вместе с братом Владимиром, штабс-капитаном, злостным дезертиром гражданской войны, и бароном ШОПЕН, дабы сохранить землю и имущество СТЕПАНОВА, организовали артель. Окружающая беднота, имеющая нищенские наделы, пыталась захватить эту землю, но РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Владимир стрелял в крестьян, с оружием в руках сгонял их с помещичьей земли. В тот же период РОЖДЕСТВЕНСКИЕ вели работу по подготовке убийства председателя Комитета бедноты, и РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Владимир ему <кому – председателю Комбеда?> открыто говорил: “На этой земле должен кто-то умереть: или я – или ты!” Ими же всё имущество СТЕПАНОВА было расхищено и распродано. Священник РОЖДЕСТВЕНСКИЙ <Николай> в проповедях и в частных беседах внушал населению антисоветские идеи: “Ваша советская власть есть власть Антихриста!” 1-го мая 1930-го года в деревне Ольховке на похоронах говорил: “Иди, старик, в Царствие Небесное и расскажи там, что граждане деревни Ольховки продались советской власти за 10 фунтов мякины”. В августе того же года: “В старое время хоть и были помещики, но порядка было больше – жизнь гораздо лучше <была?>. Теперешние порядки убивают крестьян. В прошлом был один земский начальник, а теперь – в каждой деревне. Но скоро все разочаруются в этих порядках, и компартия не справится со своими задачами” (листы дела 90, 91, 329, 338, 69, 89).

ДУБРОВСКИЙ, в прошлом землевладелец, имел 52 десятины земли. В годы революции, при изъятии земли ДУБРОВСКИЙ оказывал противодействие и заводил судебные тяжбы. В 1928-м году своей деятельностью сорвал общественную постройку школы. Являясь владельцем водночесальной <льночесальной?> машины, вёл работу по срыву хлебозаготовительной кампании и посетителям говорил: “После хлебозаготовок эта власть будет забирать всё”. Неразрывно связан с мельником ОСИПОВЫМ и священником РОЖДЕСТВЕНСКИМ – неоднократно собирались у ДУБРОВСКОГО, где обсуждали вопросы срыва мероприятий советской власти (листы дела 87, 88). ПЕТРОВ Савва, бывший торговец, штабс-капитан старой армии, настроен к советской власти враждебно, постоянно говорит: “Эта власть грабителей только и знает, что разоряет всех и делает нищими”. Близкий друг и приятель

БУБНОВА и ОРЛОВА (лист дела 98).

БУБНОВ Николай – сын крупного торговца, офицер старой армии, в последнее время – торговец мясом. В 1926-м году готовил побег за границу, для чего в городе Москве приобрёл доллары, говорил: “При советской власти жить невозможно, и нет перспектив на будущее”. Летом 1929-го года БУБНОВ по вопросу конфликта на Китайской Восточной железной дороге заявлял: “Военные события назревают, выступление на Востоке есть демонстрация, а развязка должна быть на Западе – я в этом уверен”. Все эти лица неоднократно собирались друг у друга, в частности, и у БУБНОВА на Пасху в 1929-м году. Там же БУБНОВ выступал, говоря: “Переживаем тяжёлое время, скорей бы свергнуть советскую власть”. На что ТОЛЧЁНОВ ответил: “Нужно не гадать, а действовать: в случае заварушки активно выступать, но не допускать, чтобы мы умерли голодной смертью. Хорошо было бы достать пушку – я, как старый артиллерист, в случае восстания ударил бы в тыл” (листы дела 95, 96).

Эти же собрания проводились и в доме ОРЛОВА под видом семейных вечеров. На одном из этих собраний в июне 1929-го года ОРЛОВ, вернувшись из города Москвы, говорил: “В Москве положение безнадежное, говорил со своими людьми относительно групп и восстания, мне сообщили, что сейчас в Москве нет организации благодаря бдительности ОГПУ, но наши мосальцы говорят о создании организации”. Там же обсуждались вопросы борьбы с советской властью (листы дела 97, 98).

28-го августа 1929-го года у мельника ОСИПОВА собрались ПИТЕРСКИЙ, ШЕПЕЛЕВ, где за ужином ОСИПОВ вёл разговор: “На Востоке действуют не только китайцы, но и иностранцы. Я уверен: гибель большевиков неизбежна. Нам не нужно дремать: вступайте в нашу организацию!” – и на выраженное недоверие заявил: “Я укажу вам своих главарей: ОРЛОВ, БУБНОВ, ТОЛЧЁНОВ и БОГДАНОВ Семён”. На что ШЕПЕЛЕВ и ПИТЕРСКИЙ ответили: “Да, это люди дела – и мы хоть и тёмные, но готовы помочь хлебом, лошадыми и оружием”. ОСИПОВ <продолжил?>: “Я – несмотря на то, что старик, но – готов двух человек убить, а потом не страшно будет умирать”.

29-го августа к ОСИПОВУ прибыли ДУБРОВСКИЙ и БУБНОВ, послали за священником РОЖДЕСТВЕНСКИМ. ОСИПОВ в разговоре с БУБНОВЫМ спрашивал: “Скоро ли будем бить большевиков? Жизнь стала невыносимая. В прошлом году я платил гарнцевого сбора 600 пудов, в этом году – 5250 <пудов?> и сельскохозяйственного налога 1850 рублей”. БУБНОВ <ответил?>: “От китайских событий я скорой развязки не жду. Развязка будет с Запада. Я, как старый офицер, в этом ручаюсь – и что делается на Востоке, имею сведения: там военным диктатором назначен генерал ХОРВАТ, а его помощником - СЕМЁНОВ”. С прибытием РОЖДЕСТВЕНСКОГО ОСИПОВ

обратился к нему: “Батя, ты говорил – у тебя сила, хотел составить списки лиц, могущих войти в организацию. Вот здесь старый офицер БУБНОВ и все свои – говори, не бойся”. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ <ответил?>: “Я рассчитывал <на неких третьих лиц?>, но сейчас эти люди для нас ничего <т.е. никакого интереса?> не представляют. Но я могу помочь проповедями – говорить я мастер, сумею зажечь верующих в пользу белых. Надеюсь, что народ поверит и пойдёт за мной. Если у вас что-либо организовалось, я напишу своему брату Владимиру, он старый офицер и ценный человек для этого дела, раньше он мне неоднократно говорил: будь организация – легко взять власть у большевиков”. ОСИПОВ <продолжил?>: ”Для борьбы с большевиками нам надо создать организацию. Вчера у меня были ПИТЕРСКИЙ и ШЕПЕЛЕВ - они не прочь, дадут хлеб, оружие, лошадей”. БУБНОВ <ответил?>: “Жизнь невозможная, я не прочь вступить в организацию, но мало людей, нет оружия, нам необходимо связаться с более солидной организацией. Начнётся война, будут смуты – и надо будет воспользоваться случаем” (листы дела 55, 96, 97, 161, 169, 171, 172, 329, 330, 332).

Спустя две недели ОСИПОВ был в городе Мосальске и при встрече с АРТЕМЬЕВЫМ стал говорить об организации: “Был у ОРЛОВА, последний одобрил и заявил: «Действуй, за мной дело не станет, я теперь – как вы», - и, получив согласие записать <ся?> в организацию, сообщил: «Пойду к БУБНОВУ. Надо, чтобы он, как офицер, стал во главе организации»”. Эти же вопросы свержения советской власти, создания организации ОСИПОВ, ПИТЕРСКИЙ, ШЕПЕЛЕВ обсуждали в чайной посёлка Серпейск в июне 1929-го года (листы дела 97, 169, 170).

В кампанию самообложения ОСИПОВ и ДУБРОВСКИЙ вели работу по срыву данной кампании, спаивали бедноту, в частности, гражданина ЛЕКСУНИНА и других, последний под воздействием ДУБРОВСКОГО и ОСИПОВА самообложение сорвал, за что был судим народным судом.

В деревне Бортники, по месту жительства члена организации священника РОЖДЕСТВЕНСКОГО, последним была создана крепкая кулацкая группа в лице кулаков, бывших торговцев БОЛЬШУТКИНЫХ Ивана и Василия , БАРЫШЕВА , БОГОМОЛОВА и СЕРЕБРЯКОВА , куда входил и брат <священника> РОЖДЕСТВЕНСКОГО <Николая Павловича>, штабс-капитан РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Владимир <Павлович>. БОЛЬШУТКИН Иван, торговец-кулак, до революции имел 35 десятин земли, после революции служил на лесопильном заводе, занимался хищением государственного имущества и за ряд злоупотреблений судим.

БАРЫШЕВ, бывший помещик, зверски эксплуатировал крестьян, в конце 1929-го года разбазарил своё хозяйство, распродал скот. БОЛЬШУТКИНЫ,

БОГОМОЛОВ и СЕРЕБРЯКОВ - как до революции, так и после - имели кулацкие хозяйства. Помимо СЕРЕБРЯКОВА, занимались скупкой и перепродажей телят и поросят . В своём хозяйстве применяли постоянную наёмную рабочую силу. СЕРЕБРЯКОВ являлся владельцем кожевенного завода. Все лишены избирательных прав, индивидуально обложены <налогами?>. БОЛЬШУТКИНЫ и БОГОМОЛОВ судимы народным судом за клевету. Имели между собой неразрывную связь, собирались вместе, на собраниях выступали сообща, призывали не платить налогов, так как эта власть ничего не даёт крестьянам, а с них дерёт кожу, что у власти одни жулики, воры и бандиты, а их поддерживают только лодыри-беднота (листы дела 207, 209, 210, 212, 218, 247, 264).

Держали в экономической зависимости местную бедноту и систематически вели агитацию. Так, БОЛЬШУТКИН Иван весной 1929-го года в беседе с гражданами говорил: “Советская власть измучила крестьян, не даёт возможности улучшать хозяйство, грабит налогами – и вместо помощи разоряет. Но потерпим недолго, скоро война – и гибель советской власти неминуема”. Во время конфликта на Китайской Восточной железной дороге <заявлял?>: “Белогвардейцы не дремлют, скоро советской власти объявят войну, жить станет легче, не будет грабежа”.

СЕРЕБРЯКОВ в январе 1928-го года <заявлял?>: “ГПУ – это бродяги, обероны , разграбили всех тружеников, но скоро и на нашей улице будет праздник: война неизбежна, а раз война – полетят Советы, и коммунистов развешаем на осинах”. В январе 1930-го года: “Недолго Вам придётся грабить, придёт и наше время: когда мы будем у власти - мы с Вами не так разделаемся, а почище, с корнем выведем весь род заразы, коммунистов и лодырей, их поддерживающую бедноту” (листы дела 207, 216, 226).

Эта группа неоднократно собиралась в доме БОЛЬШУТКИНА Ивана, где вела антисоветские разговоры и обсуждала меры противодействия мероприятиям советской власти. Так, на протяжении 1928-1929 годов эти люди собирались у БОЛЬШУТКИНА, куда приезжали БАРЫШЕВ, священник РОЖДЕСТВЕНСКИЙ и его брат Владимир. Эти же собрания проводились и в доме священника РОЖДЕСТВЕНСКОГО в те дни, когда приезжал брат последнего, Владимир. Там же на основе Священного Писания решали вопрос о скорой гибели советской власти, разбирали звериное число 666, а потом распространяли эти идеи в крестьянской массе (листы дела 216, 219, 225, 245, 248, 637, 638).

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Владимир, штабс-капитан старой армии, в Февральскую революцию был ярким сторонником учредилки , вёл бешеную работу по выборам – и благодаря его деятельности население окружающего района

голосовало за кадетов . В годы гражданской войны был злостным дезертиром, скрывался в лесах, призывал крестьян от службы в Красной армии отказаться – и следовать его примеру, дезертировать . За свою контрреволюционную деятельность подвергался арестам два раза. Работая в последнее время в городе Сухиничи, а затем – в Пензе, в кооперативных организациях, вместе со своим братом-священником принимал активное участие в руководстве деятельностью Бортниковской кулацкой группы. Часто приезжая к себе на родину, давал направление в работе этой группы. Так, в марте 1928-го года, прибыв в село Шалово, РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Владимир говорил БОЛЬШУТКИНУ Ивану: “Благодаря недостатку промышленных товаров нам будет легче подговорить крестьян”, - при этом обещал зайти в деревню Бортники и на второй день был в доме БОЛЬШУТКИНА, где собрались БОЛЬШУТКИН, СЕРЕБРЯКОВ и БОГОМОЛОВ, а перед отъездом РОЖДЕСТВЕНСКИЙ в толпе крестьян говорил: “Вам навязывают самообложение, а что дают? Фигу! Но не робейте: скоро заживём лучше, только хлеб не нужно продавать, а лучше припрятать, так как в мае <месяце 1928-го года?> будет война”.

В марте 1929-го года: “Вы видите – хлеба нет! Он стоит 6-9 рублей <за> пуд, потому что отправляют за границу. Кожи, мануфактуры нет и не будет, потому что эти товары также отправляют за границу, чтобы откупиться от войны. Но всё равно война в этом году будет. Сейчас надо резать коров, прятать хлеб, закупать соль, не сдавать налоги – а то всё равно заберут, как в 1918-м году” (листы дела 267, 269, 270, 271).

Данная группа своей деятельностью на протяжении ряда лет разлагала крестьян, постоянно внушая им скорую гибель советской власти и близость войны. Угрожали низовым работникам: “Советская власть не удержится, скоро коммунистов-правителей будут вешать, а вас мы повесим в первую очередь”. Население – и в особенности беднота – ими было терроризировано, запугано, <оно, население?> ждёт падения этой власти и боится быть повешенным. Убиты все устои здоровой советской общественности (листы дела 225, 226, 248).

Во время партийной дискуссии эти лица также собирались и вели беседы: “Раз в партии раскол – значит, большевикам скоро конец. Теперь только стоит подстрекнуть крестьян – и сделать заваруху”.

В кампанию самообложения вели работу по срыву данной кампании: “Говорят <или говорили большевики раньше?>: сельскохозяйственный налог – и нет других налогов, а теперь жмут под другим соусом – не власть, а грабёж”.

Во время конфликта на Китайской Восточной железной дороге распространяя

Обвинительное заключение по делу еп. Стефана (от 1930 г.)
(архивный номер П-13532, хранится в Калужском УФСБ)

Расшифровка этого документа осуществлена В. Заграничным. По возможности раскрыты все аббревиатуры, а орфография, пунктуация и – где это возможно – стиль (с помощью уточняющих вставок <в угловых скобках>) приведены в соответствие с современными требованиями.